

DOI: 10.31696/S086919080033689-4

Для цитирования: Кузнецов А.М. [Рец. на:] Аликберов А.К. *Человек и история в цифровую эпоху. Многомерный подход*. М.: Наука, 2023. 734 с. ISBN: 978-5-02-041040-4. *Восток (Oriens)*. 2025. № 1. С. 280–284. DOI: 10.31696/S086919080033689-4

For citations: Kuznetsov A.M. [Review of:] Alikberov A.K. *Human and History in the Digital Age*. Moscow: Nauka, 2023. 734 p. ISBN: 978-5-02-041040-4. *Vostok (Oriens)*. 2025. No. 1. Pp. 280–284. DOI: 10.31696/S086919080033689-4

КУЗНЕЦОВ А.М. [РЕЦ. НА:] АЛИКБЕРОВ А.К. *ЧЕЛОВЕК И ИСТОРИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ. МНОГОМЕРНЫЙ ПОДХОД*. М.: НАУКА, 2023. 734 с. ISBN: 978-5-02-041040-4

© 2025

А.М. КУЗНЕЦОВ ^а

^а – Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия
ORCID: 0000-0002-2333-3380; kuznetsov.2012@mail.ru

Как представляется, значение рассматриваемой монографии определяется следующими соображениями. Во-первых, масштабностью поставленных задач для анализа актуальных проблем востоковедения и истории, во-вторых, возможностями и разнообразием использованных автором для их решения теоретико-методологических оснований, подходов и концепций. Отсюда и нестандартный объем работы, так как для раскрытия всех намеченных аспектов темы А.К. Аликберову потребовалось подготовить шесть насыщенных информацией глав. Показательно, что только библиография данной публикации заняла 71 стр., притом что это совсем не историографическая работа. Основной фокус монографии А.К. Аликберова, как видно из заглавия, был задан применением *многомерного подхода*, включающего системно-коммуникационный анализ, основу которого составляет *рефлексивный коммуникативный рационализм* (с. 134–135). Не случайно, новаторство автора проявилось также в применении концептуальных возможностей *общей антропологии*, позволивших ему принять, например, положение о том, что современная наука изучает не только реальные феномены, но и их отражение в человеческом сознании, в образах и символах (с. 10, 468). Поэтому он показал также с помощью метафоры значение операций *наблюдения* и роль наблюдателей: «если же мы направим свет на фигуру одновременно с разных позиций, то получим и прямоугольник, и квадрат, и круг и эллипс, в зависимости от угла освещения» (с. 623). Однако в соответствии с принципом комплиментарности, А.К. Аликберов не ограничился только фиксацией установленного «плюрализма», так как «все проекции света на конкретную фигуру должны сопровождаться точными данными о расположении этой фигуры в системе координат, источников освещения, их удаленности от объекта, силе света, его фокусировке» (с. 624). С учетом большого количества таких точек наблюдения, автор справедливо связал возможность преодоления *субъективизма* отдельных исследователей (наблюдателей). Необходимая «сборка» результатов проводимых наблюдений обеспечивается путем их осмысления в контексте принципа *сложность*. Эвристичность этого принципа, как известно, реализуется на основе потенциала теории иерархических многоуровневых систем, с которой связаны понятия *многомерности* и *многофакторности*.

А.К. Аликберов учитывает, что в точных науках уже разработана теория *нечётких систем*, в которой с математической точки зрения нечёткими оказываются язык, логика, рассуждения, отношения, меры контроля и даже алгоритмы. Поэтому, понимая специфику восточных социально-политических систем, он принимает точку зрения тех исследователей, которые считают, что нечёткая логика лучше всего описывает исторические, эконо-

мические и политические процессы (с. 497). Потенциал теории, фиксирующий сложность нечётких систем, как считает А.К. Аликберов, позволяет на его основе создавать модели для изучения многомерных явлений и образований в их *реальной целостности*, объединяя «все социальные измерения в общей *системе*, сохраняя их *самостоятельность* на своей плоскости анализа» (с. 547). Построение моделей такого рода требует, в том числе учета имеющихся в научном арсенале разработок, получивших определение – *повороты*.

Об уровне компетентности автора монографии, необходимой для оперирования столь сложным исследовательским арсеналом, можно судить уже по его оценкам лингвистического, культурного, социального поворотов. Важное значение для формировании концепции монографии имели, как уже отмечалось, антропологический, а также связанные с ним коммуникативный и когнитивный повороты. Особую актуальность рассматриваемой работе придают результаты, основанные на использовании методологии пространственного, цифрового и информационного поворотов, не получивших еще должной востребованности среди российских специалистов. Но А.К. Аликберов сумел проблематизировать результаты других авторов в данной области, предложив идею «многомерного поворота», который основывается на осознании многомерности человека, а соответственно и создаваемых им истории и культуры (с. 119). Новаторство его подхода проявилось также в обосновании значимости геоинформационных систем, цифровых реконструкций и визуализации, цифровой лингвистики, которые, как считает автор, открывают путь к анализу многомерных динамических проекций прошлого и формированию цифровой антропологии.

Чтобы адекватно оценить эти предложения автора, достаточно обратить внимание на указанные им источники многомерного подхода: 1) системные теории, в том числе теории социальных систем, и их новейшие модификации; 2) версии понимающей и интерпретативной социологии, многомерный культуральный анализ и социокультурный подход, рассматривающий человека, общество и культуру в их системном единстве; 3) коммуникативные теории, коммуникативная история и методы коммуникативного анализа; 4) информационные теории, информационная история и методы многомерной статистики (с. 172). Логическая и смысловая целостность исследования А.К. Аликберова была также достигнута за счет интеграции дисциплинарного, междисциплинарного и трансдисциплинарного подходов, обеспечивших получение *многомерного знания*. Кроме того, рассматриваемая монография представляет серьезное обоснование эвристичности понятия *коммуникация* для решения научных проблем востоковедения. По мнению автора, именно человеческая коммуникация носит *универсальный* характер, позволяющий включать в своё поле весь спектр рассматриваемых им теоретических и практических проблем, после необходимой корректировки. Он считает, что «именно коммуникация порождает и социальность, и культуру, будучи их онтологическим основанием, а коммуникативные интеракции людей как раз и представляют собой социальное взаимодействие» (с. 343). Поэтому и очень значимое понятие «мир» было преобразовано трансперсонально, как коммуникативный мир индивида, в системе отношений Ego и Alter (с. 187). Не случайно, что А.К. Аликберов принимает и вывод о формировании цифромодерна, или цифрового модернизма, создающего новую коммуникативную среду.

В свете приведенных данных представляется обоснованным сформулированный автором объект исследования – «фундаментальные социальные измерения истории и культуры – общественное, политическое, этническое и религиозное, которые анализируются на эмпирическом материале восточных обществ». Не вызывает возражений и описание его предмета – «изложение сущности многомерного подхода к изучению истории и человека, репрезентация его источников, теоретико-методологических оснований и принципов, методологии и методов исследования» (с. 30). Как представляется, использованные автором основные понятия: многомерность, коммуникация, информация, акт коммуникации, социальное и общественное, социокультурная система, система социальной организации, актор, Ego и Alter, транссубъектность, коммуникативный «мир», коммуникативная община, референция, дискурс – позволили ему создать действительно актуальный и новаторский текст. Но А.К. Аликберов понимает, что большинство собирательных понятий являются

исследовательскими конструктами, обозначающими не столько реальные, сколько *идентификационные образы*. Кроме того, он учитывает, что обозначения, имеющие вполне определенный, явный или негласный *исторический контекст*, такие как «верховная власть», «политическая элита», «демократическая форма правления», «гражданское общество», становятся «троянскими конями», как только их начинают применять в обобщениях без учета *специфики* конкретного явления или предмета (с. 573–574).

Следует отметить, что, задав свой очень высокий уровень анализа, А.К. Аликберов не свел его к абстрактным философским «мантрам», предпочитая им научную, *предметно-теоретическую рефлексию*. Принятый и последовательно выдерживаемый автором *научно-теоретический фокус* анализа поставленной темы позволил ему оставаться в *востоковедческом поле* исследований. В то же время А.К. Аликберов, разделяя точку зрения, согласно которой *комплексность* востоковедческой науки включает в себя различение и изучение *классического*, относящегося к прошлому, и *современного* своих циклов, должен был серьезно отнестись и к исторической составляющей своей отрасли знаний (с. 156). Отсюда его внимание к конкретно-эмпирическому обоснованию и верификации предлагаемых им серьезных и нетривиальных идей, которое вызрело из осознания «родовых травм теории истории, сохраняющихся у нее от продолжительных и крепких объятий философии истории» (с. 280). Указанные обстоятельства позволяют принять и заявленную цель исследования – «введение в научный оборот теории и методологии многомерного подхода к изучению истории, вписывающегося в рамки “нового историзма” и неоклассической модели научной рациональности, требующей возврата к классическим основам науки, но на современном, цифровом этапе развития истории и гуманитаристики» (с. 30).

Осмысление *нового историзма* было дополнено автором его «прагматической интерпретацией», которая позволила ввести в научный оборот «представление об универсальности *коммуникаций*». Это направление в исторической науке А.К. Аликберов снова рассматривает ещё через призму *антропологического* подхода как «*многомерную* проекцию человека и истории, через методологию *перекрёстной истории*» и дополняет *системной* логикой, обеспечивающей «верификацию историчности события в различных измерениях истории». Применение этих современных и сложнейших теоретико-методологических оснований исследования предполагало «не только перекрёстное скрещивание, распространяющееся на объект исследования и формирующее пространство понимания», но также пересечения, происходящие «в точках обзора или способах взгляда на объект» (с. 302). Выполнение заданных условий, как показал автор, обеспечивало совмещение различных направлений новой истории (история как длительный процесс, история структур, историческая антропология, история ментальностей, история материальной культуры, непосредственная история, история маргиналов, история воображения) и современной исторической науки. Последняя включает: аналитическую историю, теоретическую историю, концептуальную историю, интеллектуальную историю, антропологическую историю, квантитативную историю, когнитивную историю, тотальную историю, универсальную («большую») историю, глобальную историю, сравнительную историю, перекрестную историю, локальную историю, транскультурную историю, историю идей, историю социальных практик, новую культурную историю, международную историю и т. д. Примечательно, что А.К. Аликберов при таком многомерном восприятии прошлого учитывал, что «для исторической науки принципиально важна *демаркация* прошлого от будущего, а также связанная с этим характеристика настоящего» (с. 236). Не проигнорировал он также существование различных исторических типов знаний о прошлом: мифологический – идеологический – научный.

На основе «историцизма» автор рассчитывал еще установить проекции будущего в настоящем. Достижение поставленной цели обеспечивалось *процессуальным подходом* в исследовании. Как показал А.К. Аликберов, «исторические феномены и социальные трансформации, динамически переходя друг в друга, продолжают и в наше время, а также в той или иной форме продолжаться и в будущем. Социальные взаимодействия в них, оставаясь коммуникативными по характеру, в ходе исторического процесса меняются по

своей форме и содержанию» (с. 132). Эти изменения он правомерно объяснял следующим образом: «в каждый конкретный момент аспекты социального не равновелики: одни важнее других, поскольку многомерный анализ имеет дело с многозначными и динамически меняющимися социальными процессами и сложными по своему характеру социальными явлениями» (с. 340). Отсюда не случайно и обсуждение вопроса *социального возраста* той же культуры, который «остается крайне спорным и неоднозначным концептом, требующим рациональной рефлексии».

Приведенные теоретико-методологические установки помогли автору содержательно раскрыть основные измерения в исследовании: общественное, политическое, экономическое, этническое, религиозное, правовое, этическое, лингвистическое и др., а также связанные с ними виды коммуникации. Не имея возможности рассмотреть все указанные измерения, остановлюсь на характеристике некоторых из них. В частности, в своем обзоре общественного измерения А.К. Аликберов раскрыл границы и иерархию реалий, образующих сложные образования: индивид, семья, община, что очень актуально для анализа незападных стран. Но наряду с известными родовой, сельской и территориальной общинами, он предложил еще понятие *коммуникативная община*. Последняя «ставит человека в центр его собственной системы коммуникации, представляя общество, этнос или религиозную общность не только как относительно самостоятельные, условно замкнутые на себя системы, но и как воображаемую целостность множества коммуникативных общин» (с. 479). Такое решение является актуальным уже для условий урбанизации. Автор корректно характеризует значение отношений кровного родства для семейно-клановой, родоплеменной и этнической солидарности, а также *свойства* как родства через брак. Определённое место в его описании было отведено религиозной общности. Применение многомерного информационного подхода позволило А.К. Аликберову ещё избежать ловушки априорности *групповой формы идентичности*, которая, как он справедливо отмечает, может устанавливаться только «на основе визуализации *индивидуальных форм* идентичности, в том порядке, в каком их представляют сами представители того или иного коммуникативного сообщества» (с. 448).

Анализ автором политического измерения истории включает обсуждение широкого круга проблем: зачаточное государство, переходное раннее государство, типичное государство, протогосударство, предгосударство, сословная монархия, сеньориальная монархия, сегментарное государство, национальное государство, империя. В этом контексте рассматривались также роль идеологии в интерпретации исторических фактов и вопросы, связанные с определением нации как социально сложного организма, соединяющего в себе общественный, политический, этнический и даже религиозный компонент. Своё внимание к широкому кругу вопросов социального и политического измерений А.К. Аликберов справедливо обосновывал тем обстоятельством, что «на Востоке, как и во всех традиционных обществах, в отличие от Запада, социальные измерения истории выступают в более фрагментированных и самостоятельных формах, поскольку сохранили свои стадийные различия, от архаичных форм до современных» (с. 400).

В заключении, подводя итоги своего исследования, автор делает ряд выводов. Можно отметить некоторые из них. Во-первых, для получения более правдивой (=объективной) информации исследователь должен изучать явления, измерения и процесс: 1) со всех сторон, 2) в целом и 3) в динамике (с. 623). Во-вторых, в системно-коммуникационном анализе логично представить *критерии* выделения стадии исторического процесса в виде информационных типов коммуникации, определяющих способы и формы передачи информации, а также её носитель (материал). С учётом приведённых требований А.К. Аликберов предложил следующую периодизацию этого процесса: 1) период монументальной культуры (от возникновения протописма в виде пиктограмм и идеографики, а затем и собственно письменности до появления рукописного письма на пергаменте, папирусе или бумаге); 2) период рукописной культуры (от появления рукописных текстов до изобретения книгопечатания); 3) период книгопечатной культуры (от изобретения книгопечатания и научно-технического прогресса, наступившего после промышленной революции, до появления

компьютера); 4) период цифровой/информационной культуры (начался во второй половине XX в. с революции в области компьютерных и электронных технологий и изобретения Интернета) (с. 636).

Конечно, учитывая уровень и масштабы монографии А.К. Аликберова, нельзя было избежать дискуссионности некоторых его трактовок рассматриваемых проблем и конкретных вопросов. Выбранный акцент на понятие коммуникации, безусловно, очень значимый, можно принять как один из вариантов анализа сложных нечётких систем, но в некоторых случаях он привел к досадным упущениям. Так, автор иногда оперирует понятиями социальные связи и отношения, а связанное с ними определение взаимосвязь рассматривает как наличие максимально *тесных* отношений между всеми компонентами (с. 493). При этом он не уделил должного внимания понятию *структура*, что характерно для многих современных исследователей. Как результат, появление спорного утверждения, согласно которому многомерный подход использует понятие «система» вместо понятия «структура» (с. 178). Да, А.К. Аликберов признает реальность этноса и этничности, но в целом этническая проблематика могла быть освещена более содержательно. Представляется, что в исследовании применена слишком широкая трактовка понятия *политика*, под которой предлагается рассматривать всё то, посредством чего человек начинал организовывать социальную жизнь во *всех ее проявлениях*. Поэтому политика охватывает широкий круг вопросов, связанных с жилищем, безопасностью, транспортом, занятостью, пищей, здоровьем и т. д. (с. 405–406). Подобный охват социальности политикой может быть достигнут только на поздних этапах общественного развития.

Однако сделанные замечания не снижают бесспорного значения монографии А.К. Аликберова, и следует согласиться с ее авторской оценкой: «Это первая попытка подобного рода не только в отечественной, но и в мировой ориенталистике, в том числе в истории Востока» (с. 91). Необходимо только добавить: и *состоявшаяся* попытка, которая стала весомым вкладом в развитие теоретического востоковедения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович –
профессор, д.и.н., профессор кафедры
международных отношений Восточного
Института, Дальневосточного федерального
университета, Владивосток, Россия.

Anatoly M. KUZNETSOV, Professor, Doctor of
Sciences (History), Professor,
Chair of International Relations, Institute of
Oriental Studies, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia.

Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность
научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ № 0110166 от 18.01.1994 г.)

Подписано к печати 15.02.2025
Тираж 250 экз.

Формат 70×100/16
Зак. №

Усл. печ. л. 20.39
Цена свободная

Учредители: Российская академия наук,
Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН
Издатель: Институт востоковедения РАН
20 экз. распространяется бесплатно
Исполнитель: ИП Сеньковский Н.А.
115407, Москва, Нагатинская наб., д. 54, пом. 4
Отпечатано: ИП Сеньковский Н.А.